

ли ты, что твои всасывающие не всосут, вместо нароста, частичку поджелудочной железы, или другой мелкой железы?

Или ты так же верен своему правилу: *Contraria contrariis curantur*? В таком случае, потрудись сказать мне, что представляет противоположное костному наросту?

ПРИЧИНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Ссылаясь на мою заметку в предпоследнем письме относительно того, что многие врачи-гомеопаты не верят в так называемые высокие деления лекарств, мне бы хотелось прибавить ещё одно или два слова, так как я вижу из Вашего ответа (только что полученного), что Вы меня не так поняли. Я не хотел сказать, что никто из врачей-гомеопатов не верит в сказанные разведения, но что верит в них незначительное меньшинство — у нас, быть может, около одной четверти. Затем, описанное мною излечение кровотечения фосфором вовсе не «изолированный случай этого рода», а один из очень многих; массы подобных случаев были опубликованы в гомеопатической литературе задолго до того времени, когда я познакомился с предметом. Вы, очевидно, забываете, что я поставлен в невозможность ссылаться на нашу литературу.

Чтобы Вы не приписали такого же ограничения употребления *Necla lava* при костных наростах, я скажу, что в нашей литературе Вы можете найти ещё более замечательные случаи, и не подумайте, что тут действует вера, — один дублинский врач излечил у лошади своей большой нарост тем же самым средством. В виде двадцать третьей причины, почему я гомеопат, позвольте сообщить Вам следующий случай.

ИЗЛЕЧЕНИЕ ЧЕРЕПНОГО НАРОСТА ПОСРЕДСТВОМ AURUM METALLICUM

Случай этот был опубликован мною уже давно, и потому я не стану утруждать Вас подробностями. Скажу только, что с помощью золота в гомеопатическом препарате мне удалось вполне излечить костный нарост в черепе одного мужчины. Это также вовсе не единственный случай; напротив, такие случаи попадают часто за последнее полу столетие и ещё раньше того.

ПРИЧИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Мне очень желательно показать Вам разницу между эмпирическим и научным, т. е. гомеопатическим, излечением, и с этою целью

я приведу Вам как двадцать четвёртую причину, почему я гомеопат, некогда опубликованную мною статью об *Аралии*. Я избираю её потому, что Вы, по-видимому, считаете мои отдельно взятые случаи «изолированными».

КАШЕЛЬ АРАЛИИ

Aralia racemosa не есть общепринятое гомеопатическое средство, и испытание, произведённое д-ром Джонсом, помещено д-ром Алленом не в самой *Энциклопедии*, а в *Прибавлении*.

Д-р Юз также включил её теперь в свою хорошо известную Фармакодинамику, но лишь в числе дополнительных средств. Поэтому она, кажется, только начинает боязливо заглядывать в нашу обширную лекарственную обитель. Мне неизвестно, были ли произведены какие-либо клинические опыты с этим средством, кроме тех, которые мы находим в *Терапии* Гэйля (Hale).

Оказывается, что растение это пользуется обширной славой в Соединённых Штатах как средство от кашля, и это даёт нам основание предполагать, как справедливо говорит профессор Гэйль, что оно должно иметь какое-нибудь специфическое средство к дыхательным органам. Простой народ каким-то образом узнал, что *Аралия* полезна при кашле, а д-р Гэйль записывает себе это для памяти. Затем ещё шаг вперёд сделал д-р Джонс, который в 1870 г. испытал её на себе и, таким образом, извлёк народное средство из полезного эмпиризма и возвёл его в научную почву ганемановой индукции.

Лет шесть или семь тому назад мне случилось читать отчёт об исследовании д-ра Джонса, помещённый в книге Гэйля «Новые средства», и меня поразил характер кашля, вызываемого *Аралией*. Быть может, я обратил на это особенное внимание ввиду того факта, что я как раз в это время пользовал одну даму, у которой кашель появлялся, когда она ложилась спать. Я пробовал разные лекарства, но мне никак не удавалось излечить этот кашель, и потому я стал винить сырость дома, в котором жила моя пациентка, и близость его к ручью, живописно заслонённому ивами. Были употреблены *Hyoscyamus*, *Digitalis* и много других средств, но кашель не поддавался. Рассказывать ли мне печальную историю, как больная лишилась доверия к своему врачу (автору) и к его хвалёной «патии» и стала прибегать к патентованным средствам и разным успокаивающим микстурам? Понятно, что я почувствовал себя униженным и решился прилеж-

нее заняться своим *лекарствоведением*. Очевидно, что кашель был излечимым, так как самое тщательное физическое исследование не обнаруживало ничего, кроме нескольких влажных хрипов, соответствовавших очень умеренному отделению мокроты.

Неудачи иногда бывают весьма поучительны. Непосредственно после получения отказа от этой дамы, я был занят чтением «Новых средств» Гэйля, и мне попалось то место в испытании *Аралии* д-ром Джонсом, где он говорит: «В 3 часа пополудни я принял десять капель цельной тинктуры в двух унциях воды. Интересная книга заставила меня забыть мой приём, но события ночи освежили мою память». Затем он говорит, что отправился спать в двенадцать часов совсем здоровым, но едва только успел лечь, как с ним сделался припадок удушья.

Я положил книгу и сказал себе: «Да ведь у г-жи N. совершенно такой же кашель. Она ложится в постель, и её тотчас начинают мучить кашель и удушье».

Прошло немного времени, меня попросили приехать, так как у одного из детей этой дамы была экзема. Прописав мальчику лекарство, я боязливо спросил её о кашле. «Ах, мне нисколько не лучше; я перепробовала всё и не знаю, что и делать». Я сел за стол и написал: Rр. *Aralia racemosa* 2, — и она излечила *cito, tuto et jucunde*, не потому только, что *Аралия* полезна при кашле и имеет сродство к дыхательным органам, а потому, что она способна возбуждать кашель, схожий с тем, который подлежал излечению.

С того времени я излечивал такого рода кашель посредством *Аралии* раз тридцать или сорок.

Случай II. *Tussis Araliae*. Прошлым летом ко мне пришла за советом дама. Она живёт в Лондоне и пользовалась у хороших врачей-гомеопатов от страдания горла, которое несомненно облегчилось, но её не покидал кашель и она уже собиралась отправиться на юг, свою родину, так как родные стали опасаться за её грудь. Кашель у неё был идентичен с кашлем г-жи N., но единственная разница состояла в том, что он появлялся лишь после первого кратковременного сна. Она ложилась совсем здоровой (как г-жа N. и как д-р Джонс) и засыпала, но после короткого сна просыпалась с сильным приступом кашля, который продолжался целый час и более. *Aralia* 3 излечила её совершенно в несколько дней, и она отказалась от намерения отправиться на юг.

Случай III. *Tussis Araliae*. У шестилетней девочки в сырую погоду появляется крупозный кашель, который обыкновенно уступает Дуль-

камаре. Иногда же остаётся ночной кашель, подобный тому, который описан в случае II, т. е. она ложится, засыпает и скоро просыпается с сильным припадком кашля. Сначала я не подумал об *Аралии* и без пользы давал *Hyoscyamus*, *Gelsemium*, *Aconitum*, *Spongia*, *Hepar*, *Dulcamara*, *Phosphorus* и *Bryonia*. Затем, ввиду появления кашля ранней ночью, я решился испробовать *Аралию*, которая подействовала очень быстро.

Случай IV. *Tussis Araliae*. Мужчина, лет пятидесяти, страдающий одышкой, с умеренной эмфиземой лёгких, уже давно находится под моим попечением. Первоначально у него появлялась одышка при движении, а по ночам бывали приступы удушья и кашля. После продолжительного курса конституционального лечения ему стало легче, но, когда он простужается, у него появляется бронхиальный катар с ранним ночным кашлем.

Было бы утомительно подробно описывать лечение; достаточно будет сказать, что оно состояло из антипсорных средств и лекарств, действующих на печень.

Однажды господин этот спросил меня, не могу ли я дать ему лекарство от кашля, которое он мог бы держать у постели, потому что, когда он схватывает простуду (как теперь), он ложится спать здоровым, но скоро просыпается от сильного припадка удушья, который длится от одного до двух часов, после чего, отхаркнув немного мокроты, он снова засыпает.

Я прописал порошки *Аралии* 3 *pro re nata*. Когда я в следующий раз увиделся с ним, он воскликнул: «Я думал, что эти порошки меня убьют! По Вашему наставлению, я принял один порошок и у меня сделался кашель хуже, чем когда-либо, но он скоро прекратился и более не возвращался».

С того времени он держит эти порошки у постели, и они неоднократно помогали ему. Ухудшения после первого раза не было.

Эти наблюдения представляют только образчики, но они полезны; приводить же другие было бы утомительно.

Из этого видно, что хотя *Аралия* ещё новое средство, но она мой сравнительно старый друг, и я могу с доверием рекомендовать её против *раннего ночного кашля, появляющегося или непосредственно, когда ложиться спать*, или, чаще, *после первого дополучного сна*.

У профессора Джонса кашель появился тотчас, как он лёг в постель, но это было уже в полночь; мои же пациенты, кажется, ло-

жились раньше. Из довольно обширного опыта я прихожу к заключению, что *Аралия* гомеопатична своему кашлю в силу *времени* его появления и *лежащего положения больного*.

Она *не помогает*, кажется, при кашле, появляющемся *во всякое время ночи* и бесполезна также при кашле от удлинённого язычка; она также, насколько мне известно, не излечивает страдания лёгкого, идущие дальше бронхиального раздражения, и катара. Она положительно бесполезна при настоящем удушье, наступающем после полуночи или в 2 и 3 часа утра. В таких случаях я не имел от неё успеха. Но в вышеописанной разновидности кашля она представляет *remedium probatissimum*. Здесь мы в тысячный раз усматриваем точность нашей гомеопатической науки.

В заключение выражаю мою признательность профессору Гэйлю за то, что он обратил моё внимание на мою дорогую подругу *Аралию*, и ещё более глубокую благодарность профессору Джонсу, который ближе познакомил меня с ней. Как гомеопаты, мы должны быть глубоко признательны всем исследователям лекарств.

ПРИЧИНА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Года три тому назад мне пришлось дать мнение о положении одного живущего в Лондоне господина средних лет, которого считали умирающим. Он не особенно верил никаким врачам и никакой «патии», и уже много лет переходил от одного врача к другому, по поводу серьёзного порока сердца и страшной диспепсии. По его мнению, аллопатические средства помогали ему лучше, но только ненадолго. Сигнатурки показывали, что диагноз был поставлен верно, и с точки зрения аллопатов его пользовали недурно. Он принимал укрепляющие средства, противокислотные и соли йода, но его болезнь — аневризма аорты — ухудшалась.

Гомеопаты лечили его симптоматически, а симптомов было довольно — были дни, когда ему казалось, что он совсем оправился, но затем ему опять становилось хуже — аневризма, очевидно, увеличивалась. Когда я впервые увидел его, он казался почти умирающим и уже принял последние церковные обряды.

Исследовав его хорошенько и приняв во внимание состояние его тканей и органов и величину аневризмы, насколько возможно было её определить, я высказал мнение, что он может медленно поправиться и окончательно выздороветь. Господин этот впоследствии женился,

и аневризма, хотя не совсем прошла, постепенно поддаётся гомеопатическому лечению, применяемому на основании диагностического здравого смысла. Главные средства были *Aurum metallicum*, *Chelidonium majus*, *Carduus*, *Ceanothus*, *Glandium quercus*, *Aconitum*, *Ferrum*, *Cactus grandiflorus* и *Baryta muriatica*; из них первое и четыре последних оказались непосредственно-специфическими. Знанием *Барута* я обязан д-ру Флинту, и это уже не в первый и не во второй раз, что гомеопатия излечивает аневризму. Несколько дней тому назад я встретил моего пациента с женой на улице и был просто поражён его здоровым, румяным видом.

Эта власть гомеопатии над аневризмой доставляет мне двадцать пятую причину, почему я гомеопат, и как раз доводит меня до полпути моих пятидесяти причин. Питаете ли Вы теперь несколько большее уважение к гомеопатии или Вы в состоянии перетолковать все мои причины? Во всяком случае, Вы видите, что сказанное мной в доме Вашего дяди не было похвалой, а простым заявлением факта. Поймите, пожалуйста, что я не имею ни малейшего желания сделать Вас или кого бы то ни было гомеопатом; для меня это решительно всё равно. Для истины это также безразлично; она и без всех вас обойдётся.

Не ожидаю также никакой особенной пользы от сообщения Вам моих пятидесяти причин; делаю это только для того, чтобы оправдать мое положение и дать отпор издевательству и невежеству правоверной медицины.

ПРИЧИНА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Вы жалуетесь, что я слишком заносчив и без нужды дерзок. Быть может, так. Но разве Вы не имели беззастенчивости обозвать всех гомеопатов шарлатанами? Вы, ничего об их трудах не знающий! И разве вы, аллопаты, все до единого, не злословите постоянно на гомеопатов?

Вы, аллопаты, лжесвидетельствуете на ваших ближних, гомеопатов, каждый день вашей жизни — я ведь слышал, как Вы за столом сказали Вашей тётушке: «Да, тётушка, примите Ваши гомеопатические пиллюльки, они вам не повредят».

Вы требовали, чтобы я дал Вам пятьдесят причин из моей собственной практики, как я обещал, или чтобы я «слез с дерева».

Что же, я крепко сижу на очень большом сучке старого дерева истины, и уж никак не аллопату сбить меня с него.